

Е. В. Глариантова
Петроаводск

DOI: 10.15393/j9.art.2011.302

ХРИСТИАНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КАНТЕМИРА

Культурная традиция обращения к текстам Св. Писания, в особенности к тексту Псалтыри, унаследованная от книжников XVII века, имела для Кантемира важное значение. Характерной особенностью опыта мирского толкования книг Св. Писания в этот период является стремление познать, изучить ментально, разумом духовные явления и сущность веры. Так, Татищев в трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733) пишет:

...нужно человеку о спокойности души паче всего прилежать... Но сие не может быть совершенно быть прежде, как человек, яко тварь познает Творца и Господа...¹

И хотя Татищев подчеркивает, что «главнейшая есть вера», но значимой становится возможность *изучения* духовных явлений. Схожим образом Антиох Кантемир в примечании к 35-му, 36-му стихам I сатиры так рассуждает о почитании Создателя через познание творения, природы:

Обыкновенное невежд мнение есть, что все те, которые многому чтению книг вдаются, напоследки не признают Бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество, изящество и порядок изрядной твари познает (что удобно из книг быва-

ет), столько больше Творца чтить естественным смыслом убеждается.

Знать Бога и признавать Его несколько, по моему мнению, между собой разнят. Всяк православный признает Бога, но очень мало знают его².

Из библейских текстов особенно псалмы, прославляющие грозного Бога-Творца, привлекают пристальное внимание авторов XVIII века. Восходя к веку XVII (к «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого), жанр переложения псалма постепенно занимает большое место в жанровой системе литературы XVIII века, вытесняя даже государственную оду³ и, по мнению В. М. Живова, становится «тем основополагающим текстом, который постоянно оказывается в центре литературных исканий и литературной полемики»⁴.

В 1727 году Антиох Кантемир издает свой первый печатный труд — «Симфония на Псалтырь»⁵, который и сегодня рассматривается как богословское сочинение, стоящее у истоков жанра русской симфонии на книги Св. Писания⁶. Алфавитный указатель к Псалтыри составлен был

² Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 197. Далее цитируем по этому изданию с указанием тома — римской и страниц — арабскими цифрами.

³ Западновропейская поэтическая традиция XVII—XVIII веков также знала этот жанр, но он не занимал в ней центрального положения.

⁴ В самой авторитетной псалмодической антологии конца XVIII — начала XIX века, составленной А. Г. Решетниковым (1809, 2-е изд. — 1811 г.), было представлено 655 стихотворных и прозаических переложений псалмов, выполненных по меньшей мере 50 различными авторами.

⁵ Во славу святых единосущных, животворящих и неразделимых Троицы, Отца и Сына и Святого Духа: повелением благочестившаго и самодержавнейшаго великаго государя нашего императора Петра Алексеевича всея России: благословением же святейшаго правительствующаго Синода, напечатана книга сия Симфония, или Согласие, на боговдохновенную книгу псалмов царя пророка Давида, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от сотворения мира 7235, от рождества же во плоти Бога Слова, 1727, индикта 5, месяца ноеврия в... день (СПб., 1727). Последующие издания — 1821, 1855 гг.

⁶ Симфония, или Словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета / Под ред. Митр. Питирима. М., 1988. Т. 1: А—Г. С. 5.

под руководством учителя и духовного поэта, ученого переводчика Академии наук Ивана Ильинского в ходе домашних учебных занятий. В посвящении императрице Екатерине Алексеевне Кантемир поясняет мотивы составления и характеризует свой труд:

Трудок бо сей прилежности паче, неже остроумия указанием есть... Сочинися аки бы сам собою, за частое во священных псалмопениях упражнение, ими же богодухновенный царь Давид всевышнему Богу хвалу воспеваше и божественная прославляше благодеяния (II, 338).

Составление Симфонии свидетельствует, что Кантемир, подобно древнерусскому книжнику, начал свою деятельность как *духовный автор* (sic!). Ведь и по содержанию, и по форме это сочинение назидательное, учительное. Юный Кантемир показал в нем личное прилежание, умение внимательно вчитываться в текст Св. Писания («частое во священных псалмопениях упражнение»), стремление и досужий час употребить на духовные упражнения («Сим убо и аз поревновав в пользу благочестиваго российского народа Симфонию или Согласие на богодухновенную книгу псалмов сочиних, избывший мне от других упражнений час к сей духовной забаве употребив»). Далее в Предисловии Кантемир замечает, что его труд составления Симфонии — «дело сие и новое и необыкновенное... природнаго в славенороссийском диалекте искусства требует». Поскольку «богодухновенная псалмов книга полезна есть», то и «знание ея и содержащихся в ней словес удобное приискание» тоже полезно:

...пользуйся им в душевное твое и ближняго назидание (II, 340).

Православный характер воспитания и семейного окружения Кантемира способствовал органическому восприятию православного религиозного бытия. Мать Кантемира, образованная, глубоко верующая, учила читать мальчика по Псалтыри (как это было принято тогда). Отец Кантемира в свое время обучался в духовной школе, домашними учителями были священники Афанасий Кондоиди и Иван Ильинский.

Составление «Симфонии» требовало отличного знания древнего библейского текста, умения анализировать его, способствовало выработке филологического навыка внимательного прочтения и истолкования текста. Тщательно проштудированные в юности, псалтырные стихи остались навсегда в памяти поэта и потом появлялись в светских стихах и прозе Кантемира, даже после знакомства с французской классицистической литературой, когда Кантемир становится ярким представителем новой литературы, по-европейски ориентированным на античные образцы. Упоминания о Псалтыри и богослужебных текстах, цитаты из них рассеяны повсюду в его произведениях. В примечаниях к сатирам можно найти отсылки и к Псалтыри, и к Часовнику, к Апостольским посланиям, называются имена ученых-богословов Иоанна Златоуста, Василия Великого, книга догматов Стефана Яворского «Камень верь», приводится рассказ о крещении славян.

Даже в позднем натурфилософском трактате «Письма о природе и человеке», представляющем вольный перевод и компиляцию идей Фенелона «Доказательство бытия Бога» и Оксеншерна «Мысли, размышления и моральные правила», встречаем стихи из Псалтыри. Например, в Письме I Кантемир высказывает мысль об осознании собственных заблуждений и несчастий, после того, как, пережив их, смирился перед Богом, и при этом ссылается на стихи Псалтыри:

Я искусила в несчастливый век мой, но счастлив тем, что познал мое заблуждение, и я то увидел, как праздны и тщетны суть намерения наши в жизни и как бесполезны все искания веселой и благополучной жизни, когда она зависит от единого произволения Всевышней Власти; ныне скажу, Псаломнику согласно: «Благо мне, яко смирил мя еси, да научуся заповедям Твоим» (II, 23).

Ссылки на Псалтырь в этих философских письмах многочисленны. Так, в Письме III, рассуждая о движении планет, звезд, земли, Кантемир подчеркивает величие Божие при создании мира псалтырным стихом:

Устав сей толь более меня признавать Творца заставляет и его премудрости дивиться, и сказать слова псаломника и пророка: небеса поведают славу Божию (II, 40).

Сетуня на неверие современных философов в Письме IX, он рассуждает о них как о безумных, снова стихами Псалтыри:

Я сомневаюсь, чтоб прямой был в сердце богоотступник, но только, как по глаголу пророка Давида: рече безумец в сердце своем несть Бога (II, 90).

К традиции переложения псалмов относятся и два духовных стихотворения, это парафразы — «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» (1730), которые впервые были опубликованы В. Я. Стоюниным и П. А. Ефремовым в сочинениях А. Кантемира 1867—1868 годов, включены они и в академическое издание 1956 года⁷. Мы не будем здесь рассматривать сложный вопрос атрибуции парафраз. Скажем лишь, что некоторые исследователи приписывают их авторство Феофану Прокоповичу.

Жанровое указание в названии — *metaphrasis* — включает эти два текста в традицию стихотворных переложений псалма.

Псалом 36 призывает уповать на Господа, творить добро и не завидовать грешникам, ведь Господь не оставляет праведников и наказывает лукавых:

Не ревнуй лукавнущим, ниже завиди творящим беззаконие, Зане яко трава, скоро изспут, и яко зелие злака, скоро отпадут. Уповай на Господа и твори благостыню, и насели землю, и упасешия в богатстве ея» (Псалом Давиду, 36:1—3)⁸.

Автор с помощью метафор значительно расширяет эти три стиха:

Кто любит Бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешником неправым,
Ибо исчезнут яко трава вскоре,
Яже зелена при утренней зоре
И цвет ей красен, скропленный росю,
Потом увянет, посечен косою.

А ты как начал, так твори благое,
Да на сей земли время немалое

⁷ Кантемир А. Собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 252—258.

⁸ Псалтирь. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. С. 109.

Даст ти в богатстве Бог земном пожити
И чад любимых на ней населити.
(I, 288)

Автор переложения дополнительно разъясняет, украшает, развернуто наставляет в метафрасисе (40 стихов псалма передаются 113 стихами переложения). В переложении много стихов, которым нет прямого соответствия в псалме, например:

«И добродетель, юже творишь втайне, / И правду явит, да узрится крайне»; «Ты о том желчен не будь и гневливый; / Да не погресишь, худо разсуждая, / Что благим токмо случаются злая»; «А имение праведных малое / Укрепит Господь и умножит втрое»; «И начни за то творити благое, / Да будешь богатств праведных причастен / И на сей земли в век глубокий счастен»; «У добрых людей премудрое слово / В устах на правду всякую готово»; «Дай только сроку, буди терпеливый / Ты на сей земле так будешь счастливый, / Что твое славно еще узрит око, / Как карает злобных гнев Божий жестоко»; «То лучше быть в жизни незлобиву / И просту иметь душу, а не криву» (I, 290—291).

Тема псалма 36 «не ревнуй лукавым» с еще большей выразительностью продолжена в переложении псалма 72⁹, в котором ярко показан горький гнев и справедливое возмущение праведника на процветание, силу, богатство грешников и усмирение этого гнева через размышление о гневе Божьем для неправедных и милости для любящих Его:

Коль благ Бог Израилев, правым сердцем. Мои же вмале не подвижастеся нозе: вмале не пролияшася стопы моя. Яко возревновах на беззаконныя, мир грешников зря (псалом Асафу, 72:1—3)¹⁰.

Метафрасис начинается значительным вступлением (16 стихов), которому нет соответствия в тексте псалма, зато тематически оно совпадает со стихами 100—104 сатиры I Кантемира «К уму своему». Вступление это, как и указанные стихи из сатиры I, восходит к отрывку из 7-й элегии Овидия.

⁹ Эта семантическая связь подтверждает единое авторство обоих парафраз. См. также Песнь III «На злобного человека», где заявлена та же тема.

¹⁰ Псалтирь. С. 219.

Переложение псалма 72 насыщено метафорами, сатирическими сравнениями, которые значительно увеличивают его объем (176 стихов метафрасиса получились из 28 стихов псалма). Приведем избирательные примеры:

«Слепа фортуна ведет их, здоровых, / Як стоока»; «Чуждая печаль, беды, напасти / И кручина / Им веселия и новой сласти / Суть причина»; «Самолюбием жестоком в злости / Ослепленны, / Свиньёю смотрят на люди равны / Как скотинь»; «Стращать грозными меньших словами / Не довольны, / Что ядом уст их и клеветами / Земли полнь» (I, 292—293).

В переложении подчеркнута важная для Кантемира тема ума, рассуждения, размышления, познания:

«И плохим умом промысл безмерный / Разсуджати»; «Но егда ум свой обратит паки / На советъ»; «Скрытых советов изследить дела / Невозможе, / Пока обратил ум свой в светила / Твоя, Боже!»; «Дондеже и аз сия постигох, / Как скотина / Бых неразумен, знати не могох»; «Се ныне познах, что ничто слава» (I, 292—293).

Следы влияния текстов Св. Писания обнаруживаются и в дальнейшем творчестве А. Кантемира. Обратимся к «Песням» Кантемира середины 30-х годов. Для нас важны будут Песнь I «Против безбожных» и Песнь II «О надежде на Бога», в которых своеобразно переплетаются, объединяются великие евангельские стихи о надежде на попечение Божие (Мф. 6:26—30; Лк. 12:27) с гораццианскими одами примерно на ту же тему (Ода XXXIV и Ода IX Книги I «Песен» Горация). Кантемир с удивлением для себя находит у двух разных культурных традиций общую идею — упования на милость Божию¹¹. Вспомним эти евангельские стихи:

Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? <...> И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся,

¹¹ В примечании к Песне II Кантемир выражает удивление общностью идей античности и христианства: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются в совете о отложении лишних попечений, и сколь от того разгласныя заключения производят» (I, 315).

ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малOVERы! (Мф. 6:26—30)

Кантемир передает их в самом начале Песни «О надежде на Бога» следующими строчками:

1 Видишь, Никито, как крылато племя
Ни землю пашет, ни жнет, ниже сеет;
От руки вышшей однак в свое время
Пищу довольну, жизнь продлитъ, имеет.
5 Лилию в поле, видишь, многоцветну —
Ни прядет, ни тчет; царь мудрый Сиона
Однако в славе своей столь приметну
Не имел одежду.

(I, 309)

Дальше Кантемир развивает мысль об оставлении лишних попечений о собственной судьбе, скрыто цитируя стихи из од Горация и завершая песню призывом желать «вышне наследство» и не оставлять надежды на Бога.

В Песне III «На злобного человека» (1735) опять видны следы псалтырного стиха, на этот раз из Псалма 139, тема которого тоже обличение злого, лукавого человека:

Изми мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя, иже помыслиша неправду в сердце, весь день ополчаха брани, изостриша язык свой, яко змии, яд аспидов под устнами их (псалом Давиду, 139:1—3)¹².

Используя эти начальные стихи псалма как отправную точку песни, Кантемир развивает тему человека злословного¹³, но скрывающего под лъстивой речью свою злость и потому опасного:

1 Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите!
Яд под мягким хлебом.
<...>

¹² Псалтирь. С. 428—429.

¹³ Тема злоречия волновала Кантемира еще и потому, что его самого обвиняли в связи с написанием Сатир в этом пороке, так что он вынужден был много раз защищаться и оправдываться, давая понять разницу между сатирой и злобной клеветой.

Ни седина честна, ни святость сана,
 Ни слабость пола язык обуздати
 Его возможет; вся суть им попрана,
 Всех обыкл пятнати.
 (I, 310—311)

Стих псалма «яд аспидов под устнами их» Кантемир передает в песне как «яд мод мягким хлебом», в примечаниях вспоминая строчку из III эклоги «Буколик» Вергилия¹⁴. Дальше Кантемир пишет, что от «злой мысли» рождаются себялюбие («Помочи в нуждах от него не ждите: / Одному только он себе радеет»), жадность («Что у другого в руках ни увидит, / Лишно чрезмерно в руках тех быть чаёт / И беспокойным сердцем то завидит; / Все себе желает»), зловредность («Когда вредить той кому лише сможет, / Вредит, никую имея причину»). Все эти пороки, развивающиеся из злоречия, своим источником имеют незнание Бога: «Что бога не знает». Завершает Кантемир эту песню обращением к конечным стихам псалма 139. Последние стихи псалма «Муж язычен не исправится на земли: мужа неправедна злая уловят во истление. Познах, яко сотворит Господь суд нищим месть убогим. Обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим» (стихи 12—14)¹⁵ Кантемир перерабатывает так:

Пусти нань быстры с облак твой стрелы,
 Законоломцам скованны в погибель,
 35 И человек радостен род целый
 Узрит его гибель.

(I, 311)

Таким образом, в этой Песне текст псалма служит кольцевой рамкой, точкой отсчета и точкой завершения рассуждений автора¹⁶.

¹⁴ «Под лицом и словами приятными таится злоба. Так и Вергилий сказал: — *Fugite, o pueri, frigidus latet anguis in herba*» (Бегите, мальчики, холодная змея скрывается в траве) (I, 316). Кантемир сопрягает образ коварной незаметной змеи в траве у Вергилия и «яд аспидов» под устами льстецов из псалма.

¹⁵ Псалтирь. С. 430.

¹⁶ Вообще, видимо, любые тексты (тексты Св. Писания, тексты античных авторов, французских и итальянских литераторов и т. д.) являлись для Кантемира отдельными элементами своего художественного тек-

Несложно узнать в тематике песен («Против безбожных», «О надежде на Бога», «На злобного человека») отзвуки тем метафрасисов 34 и 72 (темы справедливого гнева и упования на заботу Божью о праведниках).

Таким образом, Антиох Кантемир на протяжении всего творчества сохранял интерес к псалмической поэзии, использовал ее образы, мотивы и отдельные стихи псалмов, умел соединять псалтырные стихи с похожими мотивами античных авторов, что подтверждает мнение исследователей о «гармоническом и актуализированном совмещении христианских и античных источников»¹⁷ в его произведениях.

ста, чаще всего элементами композиции. Порой они служили исходной точкой размышления и финальным аккордом в теме. Кажется, что свое творчество Кантемир понимал как искусство вариации на уже известные темы; оно представляется нам коллекцией идей, образов и мотивов.

¹⁷ *Maiellaro G.* Псалтырь в песнях-одах А. Кантемира // *Stady Group on Eighteen Century Russia News letter*. 2000. № 28. P. 19; *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории XVII — первой половины XVIII века. М., 2000. С. 186—196.